

УДК 141.3

И.М. Наливайко

канд. филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: niminna3@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ РАЗМЕРНОСТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Сила места будет [поистине] удивительной
и первой из всех [прочих сил],
ибо то, без чего не существует ничего другого,
а оно без другого существует,
необходимо должно быть первым...
Аристотель

Изучается онтология повседневности, понимаемая как особая сфера и способ человеческого существования. Раскрываются экзистенциально-онтологический и социально-онтологический статусы пространства в повседневности с помощью теоретической реконструкции философских идей В. Розанова, А. Лефевра и М. де Серто. Проводится анализ понятий «пространство», «пространственность», «место», раскрывается амбивалентность их интерпретаций. Утверждается, что исследования онтологического статуса пространства являются весомым вкладом не только в теоретическое осмысление повседневности, но и в построение неклассической концепции субъекта и субъективности.

Введение

К началу XXI в. повседневность, вне всякого сомнения, прочно вошла в круг наиболее значимых проблем неклассической философии и гуманитаристики в целом. Причем есть основание утверждать, что именно философские версии теоретического осмысления повседневности выступают в качестве методологической базы для социологических, исторических, культурологических, лингвистических и методологических концепций повседневной жизни. В силу ряда причин, среди которых главными являются подвижный, ускользающий от теоретического анализа характер повседневности, равно как и отсутствие привычной дистанции между исследователем и исследуемым объектом, проблематизация повседневности, с необходимостью распадается на ряд вспомогательных тем. Как отмечает немецкий феноменолог Б. Вальденфельс, повседневность можно «тематизировать различными способами, например, исходя из субъекта, из объективно существующего мира тел, из социальных отношений, из процесса языкового общения или из становящихся автоматическими действий» [1, с. 41]. И, хотя сам он предлагает в качестве исследовательского фокуса тему рациональности, представляется, что тема субъекта в этом смысловом ряду названа первой не случайно. Именно она становится стержневой для большинства направлений неклассической философии и именно необходимость пересмотра оснований классической модели субъекта вводит в контекст философского рассмотрения ряд феноменов, представляющихся маргинальными для классической традиции. Повседневность, несомненно, является одним из этих новых направлений проблематизации.

Большинство неклассических версий субъекта и субъективности базируются на переосмыслении феномена времени, при этом подчеркивается преимущественно темпоральный (деятельный, изменчивый, активный) характер субъекта. Более того, этот, по видимости, новый взгляд противопоставлялся старым версиям субъективности, которые, по мнению представителей неклассической волны, базировались на идущем еще от античности пространственном, или эйдетическом (оптическом), подходе, сковывавшем субъекта предзаданной формой и границей, акцентировавшем статику в проти-

вовес динамике. В этом плане обращение к повседневности представлялось более чем закономерным, поскольку повседневность даже по самому своему названию сращена со временем, она есть особый способ переживания времени. Неудивительно, что большинство первоначальных теорий повседневности так или иначе акцентировали свое внимание именно на временном факторе и игнорировали пространственность повседневного бытия. В рамках данных теорий человек рассматривается прежде всего с позиции активности, производства, в качестве работника, чья деятельность подчинена вторяющимся ритмам повседневной жизни. Однако в некоторых наиболее методологически продуктивных концепциях повседневности наряду с проблематизацией времени встречаем весьма глубокий анализ пространственной размерности повседневности, позволяющий по-новому осмыслить онтологический статус пространства в повседневном бытии человека. Эти теории, наиболее значительными из которых являются концепции В. Розанова, А. Лефевра и М. де Серто, позволяют не только переосмыслить сам феномен пространства в его экзистенциально-онтологических и социально-онтологических приложениях, но и выстроить новую модель пространственно-временной взаимосвязи в контексте человеческой экзистенции.

Таким образом, целью данного исследования является обоснование онтологической значимости пространственного измерения повседневности. Реализация этой цели предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) раскрыть онтологический потенциал феномена места на основе теоретической реконструкции основных идей философии повседневности В. Розанова;
- 2) обосновать эвристическую продуктивность теории производства пространства А. Лефевра;
- 3) показать методологическую роль концептуального различения пространства и места в разработке теории практик повседневной жизни М. де Серто.

Проблематизация пространственных аспектов повседневности в творчестве В. Розанова

Несмотря на то, что начало проблематизации повседневности в рамках философского знания традиционно приписывается западной феноменологии, следует признать, что одну из первых (возможно, даже первую) и эвристически значимых в неклассической философии концепций повседневности создает русский мыслитель. Версия повседневности до сих пор не получила широкой мировой известности в силу исторических перипетий и своеобразного стиля философского письма Розанова. Хотя идеи М. Бахтина, который открыто признавал Розанова своим учителем, уже вполне легитимно стали частью истории становления феноменологической философии.

Не вдаваясь в рамках данной работы в подробное изложение розановской философии повседневности [2, с. 10], следует отметить, что его версия повседневности, с одной стороны, отражает общую тенденцию критики и переосмысления оснований классической модели субъективности, а с другой – содержит в себе оригинальное видение данного феномена, которое начало пробивать себе дорогу в западной философии только через несколько десятилетий после смерти русского философа. Розанов не только акцентирует внимание на значимости повседневности для становления человеческой самости, но и подчеркивает уникальный онтологический статус повседневности как сферы, где встречаются профанное и сакральное, временное и вечное, интимное и универсальное. Он является одним из первых мыслителей, которые видят в повседневности не олицетворение публичности – специфической характеристики западной культуры, нивелирующей и усредняющей все ее проявления, включая субъекта, – а, наоборот, способ и средство противостояния последней. В отличие от признанного теоретика повседневности М. Хайдеггера Розанов понимает повседневность не как пространство

обезличивания, или анонимно-усредненный модус социальности, *das Man*, а как мир частной жизни, дома. Именно такое понимание повседневности и вызывает к жизни проблематизацию пространственных феноменов, как того, что задает и выстраивает мир повседневного бытия. Для Розанова повседневность как частная жизнь есть прежде всего пространство дома – места, которое противостоит холоду и неуюту публичности, фактически пустоте, небытию, которое стирает и поглощает уникальность человеческого я. Категории «места» и «пустоты» становятся ключевыми для розановских текстов. Пустотность основных феноменов современного ему кризисного состояния культуры он маркировал концептом «внешнее место» – место, лишенное статуса смыслового центра, энергии «собираения»: «Еще Вы не знаете во мне сторону: вечный плач... и вечный гнев, плач о рае потерянном, гнев на юдоль холодную и бесприютную, на “внешнее место”, куда мы загнаны» [3, с. 505].

В каком-то смысле его тексты заставляют вспомнить о «схождении концов и начал» европейской культуры, так как в них явственно слышатся отзвуки философии Аристотеля, уделившего серьезное внимание наряду с прочим анализу вышеназванных категорий. Несмотря на то, что греческий философ обращался к этим концептам в рамках своих «физических» штудий (прежде всего в трактате «О небе»), ряд его положений очень значимы для понимания пространственных аспектов повседневности. Отождествляя вслед за Платоном место и пространство, он весьма серьезно задумывается о природе места. Наиболее значимым утверждением Аристотеля представляется сравнение места с сосудом, который вмещает в себя нечто и служит условием для перемещения. В итоге Аристотель определяет место как первую неподвижную границу объемлющего тела. То есть место не естьместилище пустоты как небытия, оно скорее представляет собой потенцию заполнения, наполненности.

Именно этот онтологический статус повседневности как дома и места и подчеркивал Розанов, описывая особый доверительный характер общения с окружающим человека сущим в пространстве повседневности. Любопытно, что схожую модель отношения с миром вещей как подручным описывает М. Хайдеггер в «Бытии и времени», однако немецкий мыслитель исключает из этого описания повседневность как неподлинный модус бытия присутствия.

Таким образом, Розанов начинает линию обоснования позитивного онтологического статуса повседневности через обращение к пространственным феноменам.

Теория производства пространства Анри Лефевра

Анри Лефевр вошел в историю изучения повседневности прежде всего как создатель т.н. критики повседневной жизни – теории, нацеленной на практическое переустройство последней, или на революцию повседневности. Творчески соединив онтологию Хайдеггера с марксистской теорией отчуждения, Лефевр рассматривает повседневную жизнь и как производное, и как средство преодоления отчуждения. Обращение к истории повседневности заставляет его всмотреться в феномен современной урбанистической культуры, который представляется французскому мыслителю самой яркой иллюстрацией системы властных отношений капиталистического общества, приводящей к тотальному отчуждению. Лефевр разграничивает «естественное пространство» и «социальное пространство», считая последнее результатом специальной активности властных институтов и инстанций. Превращение «городского» в «урбанистическое» есть апофеоз этой активности.

Таким образом, рождается теория производства пространства, которая представляет пространство как производное властных отношений и средство поддержания преимущественного положения господствующего класса. Соответственно, существуют разные культурно-исторические версии «спатIALIZации», или превращения естествен-

ного пространства в более рафинированные версии социального пространства, или пространственности (по определению – во множественном числе). Соответственно, следует различать естественные повседневные практики и способы восприятия пространства, социально сконструированные теории пространства и пространственно воображаемого времени, образующие в действительности некое диалектическое единство.

Несомненным открытием Лефевра является не только различение естественного и социального пространства, но и перенос исследовательского фокуса с пространства как такового на процесс его социального производства, и актуализация темы социальных практик, направленных на производство пространства, или, скорее, множественности пространств. В этом плане обращение к повседневной жизни не только помогает соотнести естественные формы восприятия пространства с социально сконструированными, но и позволяет определить перспективы революционного переустройства повседневности на основе нового пространственного производства.

Пространственное измерение практик повседневной жизни в теории М. де Серто

Своего рода кульминационным пунктом в рассмотрении пространственной размерности повседневности является теория практик повседневной жизни французского социального философа Мишеля де Серто. Он не раз подчеркивал, что своим интересом к феномену повседневности он во многом обязан А. Лефевру, у которого он и позаимствовал тему множественности повседневных практик. Несмотря на то, что концепция де Серто впитала в себя множество влияний, в качестве второго методологического основания можно выделить идею «микрофизики власти» М. Фуко. М. де Серто, как и Лефевр, не только предлагает рассматривать повседневную жизнь как особого рода производство, но и выдвигает гипотезу о тактическом характере повседневных практик. Если мейнстрим в теориях повседневности отождествляет последнюю с пассивным потреблением, которое формируется активными социальными акторами и зависит от них, то де Серто полагает, что потребление тоже есть производство особого рода, которое в качестве своего продукта производит и воспроизводит способы присвоения и операциональные схемы. Понять природу человеческой субъективности невозможно без понимания этой адаптивной и одновременно избирательной природы повседневности, где тактические уловки «слабых» противостоят стратегиям «сильных», т.е. субъектов власти. Именно различение стратегий и тактик заставляет де Серто обратиться к пространственным характеристикам. По мнению французского мыслителя, стратегии устанавливают и воспроизводят своего рода социальную картографию, выстроенную как система правильных, или собственных, мест. Стратегии утверждают не просто приоритет пространства над временем, а систему «должных мест», которые предписаны какой-то внешней властной инстанцией. В противовес им тактики высвобождают время как движение и изменение и утверждают «место Другого», фактически утверждая право на различие, множественность и метаморфозы. Господство стратегий в официальной культуре, собственно, и есть вариант производства пространства, описанный Лефевром. Повседневность как сеть разнообразных практик предоставляет возможность тактического сопротивления стратегиям посредством вариативной адаптации к ним. Именно поэтому в книге «Изобретение повседневности» де Серто уделяет значительное внимание анализу пространственных практик повседневности: прогулкам, путешествиям, обживанию жилища. Обращение к этим практикам позволяет не только концептуально разделить понятия пространства и места, но и прописать их диалектическую взаимосвязь. Место стабильно, оно есть точка идентификации, пространство же – точка актуализации.

Однако не стоит понимать данную трактовку места как одномерную и однобокую. Очертив место как некий узловой момент этой официальной социальной картографии, де Серто замечает, что феномен места не столь прозрачен, как кажется, это своего

рода палимпсест, где за видимым внешним слоем скрывается множество глубинных слоев, еще ждущих своей расшифровки. «Места – это фрагментарные и “свернутые” истории, это прошлое, которое утаивается от чтения другого, это накопленные времена, которые могут быть развернуты, но которые являются скорее повествованиями, хранящимися про запас и остающимися загадками, наконец, это символизации, закапсулированные в боль и удовольствие тела» [4, с. 208–209]. В этой поэтической формулировке проглядывает розановское прочтение места как энергии собирания самости, как точки рождения субъективности, не связанной универсально-рациональными процедурами, сращенной с опытом тела и находящейся в бесконечном движении становления.

Заключение

Реконструкция взглядов трех мыслителей на пространственную размерность повседневности позволяет сделать следующие выводы:

- 1) пространственные аспекты повседневности обладают несомненным онтологическим потенциалом и поэтому должны приниматься во внимание при разработке проблематики субъекта и субъективности;
- 2) пространство может и должно рассматриваться не только как феномен физический, но и как социальный, являющийся результатом определенных социальных практик;
- 3) осмысление тактического и адаптивного характера повседневных практик с помощью концептуального различения понятий пространства и места позволяет выстроить новую динамическую модель субъективности, снимающую противоречия классической версии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-логос : сборник : пер. с нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М., 1991. – С. 39–51.
2. Феноменология повседневности / под ред. И. М. Наливайко и М. Б. Тина. – Вильнюс : Логвінаў, 2015. – 380 с.
3. Розанов, В. В. Мысли о литературе / В. В. Розанов ; вступ. ст., сост., ком. А. Николукина. – М. : Современник, 1989. – 607 с.
4. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб., 2013. – 330 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.09.2018

Nalivaiko I.M. Spatial Dimension of the Everyday

With this article the author continues the series of her works dedicated to study of ontology of the everyday, which is perceived as specific sphere and mode of human existence. The article reveals, with the help of theoretical reconstruction of the philosophical ideas of V. Rozanov, H. Lefebvre and M. de Certeau, the existential-ontological and socio-ontological status of space in the everyday. The author examines the concepts of «space», «spatiality» and «place» and reveals the ambivalence of interpretation of these concepts. The author substantiates the assertion that the studies of the ontological status of space make a significant contribution not only to the theoretical comprehension of the everyday, but also to the formation of non-classical conception of subject and subjectivity.